

ОБЩИННОСТЬ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, СОБОРНОСТЬ КАК ТИПЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сложносоставное пространство современной цивилизации включает в себя разные модификации социокультурных отношений. Формы общения между личностями, способы интеграции человека в бытие социальных групп, виды взаимодействия между этими группами определяют уровень человеческой культуры и служат индикатором развития общества. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед цивилизацией, является выработка как можно более совершенных способов обмена деятельностью в контексте личностных, корпоративных и социальных связей. Их назначение состоит в том, чтобы обеспечить оптимальные условия для выражения сущности человека и развития общества, создав условия гармонии между ними. В современном мире можно выделить, на наш взгляд, три основных типа социокультурных отношений, в которых нашло специфическое выражение прошлое, настоящее и будущее человечества. Попробуем дать им краткую характеристику, а затем сравним эти типы отношений между собой.

Ранее всего, с исторической точки зрения, возникает и развивается *общинность* как совокупность отношений, характерных для традиционных локальных обществ (родовой клан, большая семья, сельская община или городское патристическое сообщество), ведущих весьма обособленное существование даже в условиях их интеграции в современное общество. Поскольку в общине, в ее традиционном варианте, нет полной собственности отдельного лица, а имеется только его владение, главным собственником и законодателем отношений является сама община, регламентирующая взаимодействие и общение своих членов посредством общепринятых правил. Вследствие своей несамостоятельности по отношению к общине, человек находится от нее в зависимости, которая может казаться ему совсем не тягостной, а даже приятной в силу получения от нее поддержки и защиты. Поэтому главной задачей общины — это сохранить единство самой общности, исключив из сферы общения между ее членами все «факторы риска», которые могут внушить им опасное стремление к самостоятельности и выходу из общины.

Необходимое единство общины обеспечивается целым арсеналом средств и комплексом мер, имеющих как материальный, так и духовный характер. Материальную основу общинных отношений можно представить на примере русской общины в России. По этому вопросу историк В.О. Ключевский придерживается мнения, что «существенными особенностями, в которых выражалось ее основное начало, общинное владение землей, можно признать: 1) обязательную ответственность наделов, 2) строго сословное значение общины и 3) круговую поруку». Однако высокая сплоченность общины достигалась не только в силу совокупного действия экономических и юридических факторов. Прочность общинных связей укреплялась также посредством выработки целостного мировоззрения, в рамках которого община воспринималась ее членами как пусть и малый, но реальный мир. Этой же цели способствовало внушаемое с детства убеждение в том, что своя община обладает заведомым нравственным превосходством над всеми другими общинами людей из внешнего, «чужого» мира. Так, А.С. Хомяков, характеризуя

общину, особо отмечал единство, «которое лежало искони в понятии славянской общины и которое заключается не в идее дружинного договора германского или формального права римского (т.е. правды внешней), но в понятии естественного и нравственного братства и внутренней правды» [2;157]. Вся общинность как тип отношений, по сути дела, и основана на следовании *общей правде*, воплощенной в обычае, наследуемом от отцов, дедов и прадедов и направленной на сбережение общины от превратностей «большого мира».

В русской философской и художественной литературе жизнь общины, особенно сельской, нередко изображалась в идеальном свете. Однако не следует забывать, что эти патриархальные общины, локально-замкнутые сельские миры были надежной опорой деспотической государственной власти, которая столетиями поддерживала их существование, а также хранителями изживших себя традиций и самых примитивных суеверий. Несамостоятельность индивида по отношению к общине, экономическим выражением которой являлось отсутствие у него собственности на землю, а юридическим — его полная зависимость от решения «мира» на сельской сходке, существенно ограничивала возможность его развития как личности. Однако, вынуждая его идти на эти жертвы, чего он сам далеко не всегда сознавал, община обеспечивала ему всяческую посильную для нее помощь. Из такого отношения к человеку со стороны данной общности можно вывести основное правило общинности: «*Живи, как все, и помогай своим*».

Предпосылки для совершенно иных отношений в обществе возникают с его переходом от аграрного хозяйства к индустриальному производству. В качестве основного типа отношений в этом обществе, в его развитой форме, утверждается *гражданственность*, которая характерна для корпоративных общностей с достаточно высокой степенью самоорганизации. Наиболее полного проявления данный тип отношений достигает в современном гражданском обществе. На первый взгляд, кажется, что гражданскому обществу присущ такой способ обмена деятельностью, при котором каждый отдельный индивид видит свою цель в удовлетворении своих потребностей и в утверждении своей воли, в то время как другие люди выступают для него не более чем средствами в достижении его цели. В действительности эта характеристика уместна только применительно к периоду формирования гражданского общества: так, о первых английских и голландских поселенцах в Америке на самом деле можно было сказать: «Они не должны ничего другим людям, они не ждут ничего от других людей» [3;19]. Однако по мере становления данного общества каждый шаг напоминает человеку о том, что, стремясь к осуществлению своей цели, он способствует и осуществлению целей сообщества, а оно содействует осуществлению цели частного лица.

Разумеется, в реальном гражданском обществе можно найти множество недостатков, проистекающих от изначальной эгоистической устремленности членов данного объединения. Но, при сложившихся в нем отношениях, любая себялюбивая и своевольная личность обладает не большими правами, чем объединяющая и примиряющая всех общность. «Несмотря на то, что в гражданском обществе, — отмечает Г. Гегель, — особенность и всеобщность распались, они все-таки взаимосвязаны и взаимно обусловлены. Хотя и кажется, что каждая из них делает именно противоположное другой и полагает, что может существовать, лишь держа другую на почтительном расстоянии, обе они обуславливают друг друга» [4;229]. Поэтому как вытеснение общего частным, так и подавление частного общим равно является покушением на основы этого общества. Частные лица, из которых состоит граждан-

ское общество, конечно, могут видеть в других лицах только средство для достижения эгоистических целей, но не могут игнорировать их цели как необходимое условие реализации своих собственных. Исходя из понимания этого, они вынуждены строить партнерские отношения друг с другом, для чего должны быть приняты во внимание интересы всех сторон.

Так реализуется принцип: «индивид, заботясь в гражданском обществе о себе, действует также на пользу другим» [4;277]. Он основан на том, что член гражданского общества удовлетворяет свои потребности посредством собственного труда, который благодаря обусловленности «всеобщностью» становится фактором удовлетворения потребностей всех остальных. Эта всеобщая система потребностей достигается системой всеобщего правосудия, которая в силу все той же обусловленности гарантирует свободу личности, пока она не угрожает свободе других лиц. Наряду с этим гражданское общество выстраивает систему защиты от разного рода злоупотреблений и злоупотреблений частным интересом, ради чего создаются гражданские организации. Они становятся местом соединения особенного и всеобщего, а также экономических и правовых отношений. Воспитываемая ими *гражданственность* выполняет чрезвычайно важную роль, поскольку она не только предлагает приемлемые формы разрешения конфликтов между членами гражданского общества, но и придает их отношениям более возвышенный характер, чем простое следование прагматическим интересам. Хотя гражданское общество в своей основе служит сферой удовлетворения частных интересов и потребностей, оно не препятствует социальной деятельности своих членов и даже, более того, создает новые культурные формы для ее выражения. Поэтому императивом гражданского общества может считаться правило: «*Живи, как хочешь, и давай жить другим*».

Этому типу социокультурных отношений, взятому в его эмпирическом выражении, в известном смысле противостоит идеальное представление о *соборности* как высшей форме отношений между людьми, характерной для общностей, членами которых проникнуты сознанием своей глубокой духовной общности. Это учение, рожденное в лоне традиции раннего христианства, получило своеобразную всеобъемлющую интерпретацию в русской религиозной философии. Так, А.С. Хомяков, создатель русской версии учения о соборности, видел ее «в тождестве единства и свободы, проявляемом в законе духовной любви» [2;203]. Если в основе гражданских отношений лежат рационально поняты интересы частных лиц, то в основе соборного общения – общие ценности людей, соединенных любовью. Не случайно Н.А. Бердяев связывал воплощение соборности с реализацией идеи братства людей и народов. Такой тип отношений предъявляет гораздо более высокие требования к сознательности и нравственности членов соборной общности, нежели к индивидуумам, вступающим в экономические и правовые отношения с другими индивидами в гражданском обществе.

Следует признать, что этим требованиям могут удовлетворять лишь немногие личности, достигшие вершин в своем развитии. Ф.М. Достоевский отмечал: «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из себя, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтобы все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» [5;79]. Но хотя великий писатель считал это законом природы и полагал, что к этому способен любого нормального человека, даже в наше просвещенное время личности способны подняться до такого проявления любви к людям. Любовь по самой

природе не может быть распространена на большую общность людей, так как по мере расширения круга своих объектов она переходит в симпатию, благоволение, приязнь, лояльность, толерантное отношение к другим.

Нельзя не заметить, что соборное единство является системой с более простой структурой, нежели гражданское общество. Здесь, в идеале, не должно быть места организациям, выполняющим контрольно-надзорные функции или представляющим специфические интересы отдельных групп людей, так как само их существование противоречит «общению в любви», соединяющему всех членов сообщества. Есть только развитые личности, которые всегда должны быть готовы к добровольным жертвам ради других и к сознательным уступкам с их стороны. Критерием общественной ценности всех допустимых и одобряемых отношений между людьми становится не правильно понятый интерес, а искренняя, жертвенная любовь друг к другу, что делает соборность оптимальной формой разрешения социальных и личностных конфликтов. Не случайно историк русской философии Н.О. Лосский отмечал: «Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Эта идея может быть использована для разрешения многих трудных проблем социальной жизни» [6;42]. При таком отношении к людям законом соборности является правило: «*Живи, как должно, и люби других*».

Главной трудностью для соборности как типа отношений является проблематичность ее реализации в отношениях между людьми в конкретных исторических общностях. Представители русской религиозной философии, создавшие учение о соборности, придерживались разных мнений на этот счет. Например, А.С. Хомяков полагал, что соборность представлена в христианской церкви, но не как социальном институте, а как всемирном сообществе христиан. Следуя за ним, С.Л. Франк находил примеры соборных отношений в семье, церкви и «братстве», которое возникает в результате дружбы, службы и т.д. В. И. Иванов, напротив, считал соборность неким идеальным состоянием. «Соборность, – писал он, – задание, а не данность, она никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно, и ее также нельзя найти здесь или там, как Бога» [7;100]. Вместе с тем, хотя соборность, скорее всего, представляет «задание, а не данность», нельзя не признать, что этот тип отношений выглядит весьма привлекательным для современного общества, все более страдающего от социального отчуждения и дегуманизации, что побуждает его искать новые формы для обеспечения единства при сохранении полноты и многообразия своих частей. К сожалению, чем более привлекателен идеал, тем труднее он осуществим.

Есть ли какая-либо связь между общинностью, гражданственностью и соборностью, которую можно было бы проследить в истории или культуре? При анализе трех этих типов социокультурных отношений обращает на себя внимание то обстоятельство, что каждый последующий тип является не только радикальным отрицанием предыдущего, но и в известном смысле его продолжением, так как он рождается в лоне предшествующего состояния. В этом смысле не таким большим преувеличением являются слова А.С. Хомякова: «Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из его же развития может развиваться целый гражданский мир» [2; 162]. Исходя из этого, можно высказать предположение, что общинность, гражданственность и соборность относятся друг к другу как *тезис*, *антитезис* и *синтез*. Данный вывод следует из того, что два первых типа указанных отношений представляют противоположности, тогда как третий тип снимает противоречие между ними, будучи высшей формой разви-

тия существенных моментов каждого из них. Таким образом, соборность – синтез общинности и гражданственности.

Если это так, то исторической ошибкой славянофилов (Хомяков, братья Аксаковы), западников (Герцен, Бакунин) и сторонников «всеединства» (Достоевский, Соловьев), на наш взгляд, было то, что они видели в гражданском обществе Запада не более чем пагубное отрицание русской общины. Если бы эти мыслители, хорошо знакомые с диалектикой Гегеля, представили данные формы общности как не только противоположные, но и необходимые состояния в процессе развития, тогда, возможно, они бы пришли к иному выводу о том, какой путь ведет к соборности, соединяющей достоинства и лишенной недостатков традиционной и гражданской общины. Если рождение соборности из общинности является утопической мечтой, следствием идеализации общины, то переход от гражданственности к соборности представляет вероятную, хотя и не реализованную возможность. Поэтому не следует метафизически противопоставлять гражданское общество и соборную общность, если только за соборность не выдаются ее суррогаты в виде общинной патриархальности, тоталитарного коллективизма или религиозного фундаментализма. Хотя соборные и гражданские отношения отличаются друг от друга как должное и действительное, они, в конечном счете, не исключают друг друга. И может быть, соборное согласие когда-нибудь станет явью, но не как воплощение религиозно-философского идеала, а как более высокая форма социокультурных отношений, т.е. межличностного общения и взаимодействия между личностью и обществом.

Примечания:

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1987-1990. Т. 2.
2. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.
3. Kearny E.N., Kearny M.A., Creadol S.A. The American way. An Introduction to American Culture. New Jersey. 1984.
4. Гегель Г. Философия права. М., 1990.
5. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1984. Т. 5.
6. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
7. Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994.

Аннотация

Кочеров С.Н. Сельская община и гражданская общность, гражданское общество и соборное единство традиционно воспринимаются как противоположности. Но если подойти к ним с точки зрения диалектики, то они предстанут в виде хорошо знакомой триады: тезис – антитезис – синтез. Это позволяет по-новому взглянуть на соотношение общинности, гражданственности и соборности как типов социокультурных отношений.

The rural community and the civil community, the civil society and the cathedral unity are traditionally perceived as contrasts. But from the point of view of dialectics, they turn out to be a well known triad: the thesis - the antithesis - the synthesis. This reason allows to look in a new fashion at the correlation of the obshinnost, the citizenship and the sobornost as types of sociocultural relations.